

Иерей Вячеслав Умнягин

Восприятие топонима «СОЛОВКИ» в контексте столетней истории России

Аннотация: Минувшее столетие стало временем значительных исторических сдвигов и связанной с ними трансформации большинства привычных понятий и символов. Этот во многом трагический и часто необратимый процесс оказал влияние и на восприятие Соловков как социокультурного знака. О глубине последствий такого процесса можно судить по тем ассоциациям, которые возникали при упоминании соответствующего топонима у авторов воспоминаний о Соловецком лагере и тюрьме, действовавших на территории Русского Севера в 1923–1939 гг., в сравнении с теми, которые возникают у наших современников.

Ключевые слова: Соловки, монастырь, лагерь, тюрьма, топоним, мемуары

Abstract: The past century was a period of considerable historical changes that caused the transformation of most conventional conceptions and symbols. This process, often tragic and irreversible, affected the comprehension of the Solovki as a sociocultural sign. The profoundness of the consequences of the turn might be estimated by a comparison of associations released by references to the toponym by authors of the memoirs about the Solovetsky concentration camp and the jail operated at the territory of the Russian North in 1923–1939 and those arisen at our contemporaries.

Key words: Solovki, monastery, camp, prison, place name, memoir

Любая культура имеет свои цивилизационные центры, вокруг которых она формируется и обретает уникальные черты. Очевидно, что оценка той или иной цивилизации напрямую связана с узловыми, олицетворяющими ее символами, которые характеризуют не только определенные исторические вехи, но и определяющий вектор развития.

Среди опорных точек отечественного национального самосознания особое место занимает Соловецкий монастырь, в истории которого, по мнению академика Д.С. Лихачева, можно считать «исторически значительным все, что так или иначе отразилось в русском историческом процессе и что в свою очередь восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру»¹.

¹ *Лихачев Д.С.* Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 41.

Минувшее столетие стало временем значительных исторических сдвигов и связанной с ними трансформации большинства привычных понятий и символов. Этот во многом трагический и часто необратимый процесс оказал влияние и на восприятие Соловков как социокультурного знака. О глубине последствий такого процесса можно судить по тем ассоциациям, которые возникали при упоминании соответствующего топонима у авторов воспоминаний о Соловецком лагере и тюрьме, действовавших на территории Русского Севера в 1923–1939 гг., в сравнении с теми, которые возникают у наших современников.

В мемуарах бывших заключенных встречаются самые разные случаи употребления топонима «Соловки»: монастырь и лагерь, беломорский архипелаг и входящий в него Большой Соловецкий остров, нарицательное имя уникального природного ландшафта и системы исполнения наказаний в СССР. Но прежде всего Соловки ассоциировались с монашеской обителью – местом преображения человеческой души и окружающего мира, которое насильственно, против божественного замысла² и здравого смысла³ было превращено в лагерь особого назначения ОГПУ, а позже в специальную тюрьму ГУГБ НКВД.

Дореволюционное восприятие архипелага можно считать не только объективным историческим фактом, отражающим многовековую традицию иноческого делания на Соловках, или субъективной памятью, ставшей результатом личного соприкосновения со святыней, но, в первую очередь, проявлением устоявшегося общественного мнения. В пользу такого предположения говорит то, что из всех авторов воспоминаний, а речь идет о нескольких десятках людей, лишь О.В. Второва-Яфа посещала монастырь в качестве паломницы, тогда как знакомство с обителью для всех остальных мемуаристов началось уже в период лишения свободы. На общезначимый смысл топонима, помимо прочего, указывают многочисленные исторические погрешности в текстах соловчан. За редкими исключениями, как, например, в случае с протопресвитером М. Польским, чье описание Соловецкого монастыря носит практически безупречный характер⁴, авторы воспоминаний чаще всего допускали самые курьезные ошибки. Иными словами, у большинства мемуаристов представления о Соловках были несамостоятельными, воспринятыми с чужих слов и отражали укоренившееся в национальном сознании представление об этом месте как о центре церковной жизни и древнего благочестия.

Прембула, рассказывающая о временах иноческого подвига даже у далеких от Церкви людей, вводилась ими в повествование с понятной целью – подчеркнуть

² «Ныне, во время великой Русской трагедии, безбожная советская власть разрушила и уничтожила святые места в обители, предварительно осквернив и цинично-кошунственно надругавшись над ними, и как бы в подтверждение своего безбожия устроила там мытарства коммунистического ада, где совершаются безнаказанно тягчайшие преступления, где личность человека, как Божьего творения, уравнена с земными тварями» (*Зайцев И.М.* Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти) // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 181).

³ «Между собой они говорили о красоте этого острова и архипелага, который представлял собой, как они сразу и единодушно оценили, жемчужину Севера! Что за дикая мысль превратить его в лагерь. Он бы мог быть туристической базой европейского значения. Или зоной отдыха для Архангельска, Мезени и всего побережья Белого моря. Наконец, он мог бы быть научно-исследовательской базой истории и археологии. Недаром, Соловки в течение трех столетий были аванпостом русской культуры в средние века!» (*Скрипникова А.П.* Соловки. НИОР РГБ. Ф. 633, к. 1, е. х. 3. Л. 90).

⁴ *Польский М., протопресв.* Соловецкий лагерь // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 55–64.

творившиеся в святом месте беззакония и на этом контрасте перейти к описанию новой реальности: «На месте, где пятьсот лет чувствовалось дыхание Всевышнего, теперь лилась кровь невинных, и дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти... – писал Б.Л. Солоневич. – Слово “Соловки” из символа светильника веры и подвижничества стало “Самым Страшным Словом России” – С. С. С. Р...»⁵

Осмыслению подобной трансформации посвящено немало страниц лагерных прозы. «Соловки – страна чудовищно жутких контрастов, – писала О.В. Второва-Яфа, передавая слова своего собеседника – заключенного историка-медиевиста. – Я живу в Филипповой пустыни, где некогда спасался митрополит Филипп. Сейчас там находится зоопитомник, а для его обслуживания туда выделены самые подонки соловецкого населения; и то, что сейчас там творится, превосходит позор всякого публичного дома, всякого воровского притона. Контраст между тем, чем было в течение веков это место, освященное молитвами спасавшихся там праведников и многих тысяч паломников, и тем, что теперь там происходит, – чудовищен, оскорбителен для каждого, в ком еще живо религиозное чувство или хотя бы уважение к нашему историческому прошлому»⁶.

Стоит отметить, что верующие люди находили глубокий смысл в наблюдаемых ими событиях и верили в их положительный исход. «Преображение требует искупления»⁷, – писал Б.Н. Ширяев, указывая в своей «Неугасимой лампаде» на важнейший закон духовной жизни. «Восстанет из пепла и великий монастырь – оплот Земли Русской», – пророчествовал он в 1954 г., когда, казалось бы, ничто не предвещало восстановления древней святыни.

Говоря о восприятии Соловков узниками 1920–1930-х гг., справедливости ради надо отметить то, что часть из них не просто упоминала, но даже подчеркивала существование действовавшей здесь со времен Ивана Грозного монастырской тюрьмы. Делалось это вполне сознательно, в качестве критики некоторых аспектов дореволюционного российского общества, в частности уголовного преследования за сектантскую и политическую деятельность⁸.

Но даже при заведомо критическом подходе к монастырской истории первичным для рассказчика оставалось восприятие архипелага как пространства созидательной духовной деятельности, ставшего при Советской власти местом мучений и нечеловеческих страданий и связанного с ними нравственного и духовного подвига для представителей всех без исключения сословий и религиозных течений. До некоторой степени такое бинарное отношение к топониму сохраняется и в наши дни. Но можно говорить и о смещении акцентов, на что указывают результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного филологом Т.В. Романовой среди русскоязычных студентов Нижегородского государственного

⁵ Солоневич Б.Л. Тайна Соловков // Там же. С. 433.

⁶ Второва-Яфа О.В. Авгуровы острова // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловецкий монастырь, 2015. С. 428.

⁷ Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 466, 452.

⁸ «Кажется, Соловки служили местом заключения почти с самого начала существования. Священнослужители, облаченные в позолоченные ризы и шелковые одежды, возносили молитвы и похвалу Богу, в то время как в темницах под храмом в самых ужасных условиях томились заключенные. Несколько священников находились в этой тюрьме за то, что, просветившись чтением Евангелия, начали проповедовать в своих церквях. Но Священный Синод приговорил их к пожизненному заключению, заточив в темницах монастыря. Эти пленники больше никогда не выходили из подземелья и не освобождались. Такие законы существовали вплоть до революции» (*Миссионер Эрастус* (А.П. Петров) Соловки: живое кладбище / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. В. Умнягина // Север. 2014. № 1/2. С. 218).

го лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Согласно ее выводам доминирующим образом «слово Соловки (его когнитивный образ) входит в языковую картину мира языковой личности» как «монастырь» и «тюрьма». Однако лексико-семантическому полю с ядром «монастырь», включающему в себя такие понятия-ассоциации, как «монахи, обитель, отшельники, религия, проповедник, церковь», противостоят еще два лексико-семантических поля – «тюрьма» и «лагерь», с которыми у респондентов ассоциируются следующие понятия: «заключение, место заключения, зона, 58-я статья, заключенные, неволя» и, соответственно, «каторга, репрессии, ссылка, каторжный труд, унижение, боль, страх, работа, голод, советское время, Советский Союз»⁹.

Результаты исследования можно считать прямым следствием минувшего столетия и объяснить их формированием новой российской идентичности, которая приходится на последние десятилетия. Дело в том, что до «перестройки» сведения о существовании монастыря не скрывались, но по понятным причинам носили пропагандистский и маловразумительный характер, а в наше время, возможно, недостаточно эффективно и не в полном объеме доносятся до широкой аудитории. Что касается лагеря и тюрьмы, то, за редкими исключениями, к которым можно отнести некоторые довоенные и еще более редкие послевоенные публикации (например, воспоминания воспитанника Болшевской колонии Н. Журавлева, увидевшие свет в 1976 г.), в открытых источниках о них не упоминалось практически ни слова. Ситуация резко поменялась в середине 1980-х гг., когда начало доминировать негативное представление о Соловках как о месте зарождения ГУЛАГа, которое не просто отразило события конкретной эпохи, но стало мрачным символом всей российской истории. Личный многолетний опыт, основанный на общении с людьми, анализе периодической печати, интернет-публикаций и книжных новинок подтверждает, что среди ассоциативных моделей восприятия топони́ма «Соловки» сегодня доминирует тюремно-лагерная¹⁰.

При этом создается впечатление, что современного читателя интересует не то, как обреченные на смерть узники сохраняли верность своим нравственным и религиозным идеалам, что в первую очередь интересовало бывших заключенных, а то, как люди от этих идеалов отказывались, теряя свое человеческое достоинство и лицо. Ярko и убедительно о такой смене приоритетов свидетельствует роман «Обитель» З. Прилепина, где место идеалов, через призму которых соловецкие летописцы оценивали опыт лишения свободы, занимает потерявший идеалы, лишенный покрова и содержания человек. От его имени писатель рассказывает парадоксальную, но мало что проясняющую и уж совсем неутешительную историю, которая, судя по успеху книги, вполне отвечает сегодняшнему социальному заказу.

⁹ Романова Т.В. Топоним Соловки как социокультурный знак в национальной картине мира (константы и динамика) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. Ч. 2. Т. II. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 584–588.

¹⁰ Летом этого года на Соловках побывала группа уральских блоггеров, которые, по окончании так называемой «Онежской экспедиции», опубликовали целый ряд медийных материалов. Один из них, – который, как отмечает статистика, попал «в топ-25 популярных записей LiveJournal уральского региона», – повествует об экспозиции «Соловецкие лагеря и тюрьма» и начинается со следующих слов: «История Соловецкого архипелага несет в себе не только благостные рассказы о монастырском быте или отважных беломорских мореходах. Нет, друзья... Густым дегтярным потоком течет заунывный стон арестантов, лютый лай беснующихся на поводках собак, крики вертухаев да сухие, как треск ломающейся ветки, винтовочные выстрелы – это все СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения» (См.: Советская власть не карает, а исправляет! URL: <http://zlobin-aa.livejournal.com/201830.html>)

В этой связи кажутся натянутыми заявления ряда отечественных и зарубежных изданий о том, что «Соловецкий лагерь решили стереть из памяти»¹¹, «память о репрессиях затушевывается»¹², «история лагерей вообще никому не нужна, это установка и светской, и монастырской власти»¹³. Журналист NYT идет еще дальше. Он считает проявлением борьбы с прогрессивным пониманием прошлого замену расположенного на пятисотрублевой купюре и соответствующего советской эпохе изображения монастыря без куполов и крестов на современное¹⁴, которое не только отражает существующую реальность, но служит делу восстановления исторической памяти и справедливости.

Банкнота 2004 г.

Банкнота 2011 г.

Отвечая на упрек в якобы имеющем место затушевывании событий лагерного периода, можно упомянуть несколько монастырских проектов, которые способствуют изучению и популяризации одного из наиболее трагических этапов в истории России. К ним относятся работа передвижной выставки «Соловки: Голгофа и Воскресения»¹⁵, выпуск книжной серии «Воспоминания соловецких узников»¹⁶, проведение научно-практической конференции «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей»¹⁷ и запуск базы данных «Русское духовенство в XX веке»¹⁸, нацеленной на скрупулезное документальное исследование судеб десятков тысяч заключенных и пострадавших за веру людей.

Делается все это вполне осознанно. Для восстановления архипелага не только как объекта всемирного культурного наследия, но и как важнейшего символа российской государственности и духовности представляется целесообразным исходить из полноты понимания данного места. По мнению Наместника и игумена Соловецкого монастыря архимандрита Порфирия (Шутова), такое понимание складывается из следующих слагаемых. «Это, во-первых, пять столетий православной подвижнической жизни, как монахов, так и тысяч мирян всех возрастов и сословий,

¹¹ *Lloyd J.* Russia is condemning itself to repeat history // Reuters. 2015. 3 sent. // URL: <http://blogs.reuters.com/great-debate/2015/09/03/russia-is-condemning-itself-to-repeat-history>. Он же. Россия обрекает себя на повторение истории // Открытая Россия. 2015. 3 сент. URL: <https://openrussia.org/post/view/9384/>

¹² *MacFarquhar N.* A Tug of War Over Gulag History in Russia's North // NYT. 2015. 30 aug. http://www.nytimes.com/2015/08/31/world/europe/russians-clash-over-commemorating-monasterys-grim-past.html?partner=rss&emc=rss&_r=0; Он же. Противоборство вокруг истории лагеря на севере России // InoPressa. 2015. 31 авг. // URL: <http://www.inopressa.ru/article/31Aug2015/nytimes/gulag.html>

¹³ *Шкуренок Н.* Власть Соловецкая. Повторение прошлого // Новая газета. 2015. 14 авг. // URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/9878/>

¹⁴ «The commemoration tug of war has played out in other odd ways. A depiction of the monastery on Russia's 500-ruble note initially showed it as it was during the gulag period – without crosses. The image was later altered under church pressure» (*MacFarquhar N.* Op. cit.).

¹⁵ Соловки: Голгофа и Воскресение. URL: <http://solovki-monastyr.ru/exhibbition/golgofa-and-anastasis/>

¹⁶ Воспоминания соловецких узников. URL: <http://solovki-monastyr.ru/VSU/>

¹⁷ На Соловках открылась научно-практическая конференция о судьбах соловецких узников. URL: <http://solovki-monastyr.ru/news/791/>

¹⁸ Православное духовенство в XX веке. URL: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/>

которые приходили сюда для молитвы и труда во славу Божию и Его угодников Зосимы, Савватия и Германа. Во-вторых, это твердая позиция обители на крутых виражах отечественной истории в защите и просвещении Русского Севера, в одолении смуты и иностранной интервенции начала XVII века, в Крымской войне середины XIX столетия. В-третьих, “Архипелаг ГУЛАГ” – трагедия стонущей под иноверным игом России и, неотделимое от этой трагедии, явление православного мученичества – то есть стояния за веру и верность высоким жизненным принципам даже до смерти, что означало духовную победу личности над беззаконием власти и окружающего мира. В-четвертых, Великая Отечественная война, когда на архипелаге действовала школа Соловецких юнг. Наконец, пятое – современное развитие, которое своим основным вектором имеет возрождение именно православной святости, то есть действующего полноценного монастыря, которое не противоречит обустройству инфраструктуры расположенного у его стен светского поселка»¹⁹.

Такое целокупное и единственно возможное с точки зрения объективности отношение к местной истории, во-первых, позволяет уйти от негативной модели восприятия Соловков. Во-вторых, дает возможность отвлечься от навязываемых и нередко разрушительных стереотипов, накладывающих отпечаток на осознание собственного прошлого и возможных путей общественного развития, для чего необходимы не только отрицательные (в качестве предостережения), но и положительные примеры народного бытия, которыми так богата история нашей страны и ее северного архипелага.

ЛИТЕРАТУРА

Lloyd J. Russia is condemning itself to repeat history // Reuters. 2015. 3 sent. URL: <http://blogs.reuters.com/great-debate/2015/09/03/russia-is-condemning-itself-to-repeat-history>. *Он же.* Россия обрекает себя на повторение истории // Открытая Россия. 2015. 3 сент. URL: <https://openrussia.org/post/view/9384/>

MacFarquhar N. A Tug of War Over Gulag History in Russia’s North // NYT. 2015. 30 aug. http://www.nytimes.com/2015/08/31/world/europe/russians-clash-over-commemorating-monastery-grim-past.html?partner=rss&emc=rss&_r=0; *Он же.* Противоборство вокруг истории лагеря на севере России // InoPressa. 2015. 31 авг. // URL: <http://www.inopressa.ru/article/31Aug2015/nytimes/gulag.html>

Второва-Яфа О.В. Авгуровы острова // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловецкий монастырь, 2015. С. 383–433.

Зайцев И.М. Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти) // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 172–330.

Лихачев Д.С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. 133 с.

Миссионер Эрастус (А. П. Петров) Соловки: живое кладбище / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. свящ. В. Умнягина // Север. 2014. № 1/2. С. 213–225.

Польский М., протопресв. Соловецкий лагерь // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 55–64.

Порфирий (Шутов), архим. Ответы на вопросы журналиста «Нью-Йорк таймс» Нила Макфаркуара. URL: <http://solovki-monastyr.ru/abba-page/namestnik/1494>

Романова Т.В. Топоним Соловки как социокультурный знак в национальной картине мира (константы и динамика) // Вестник Нижегородского государственного университе-

¹⁹ *Порфирий (Шутов), архим.* Ответы на вопросы журналиста «Нью-Йорк таймс» Нила Макфаркуара. URL: <http://solovki-monastyr.ru/abba-page/namestnik/1494>

та им. Н.И. Лобачевского № 6. Ч. 2. Т. II. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 584–588.

Скрипникова А.П. Соловки. НИОР РГБ. Ф. 633, к. 1, е. х. 3. 396 л.

Солоневич Б.Л. Тайна Соловков // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 427–591.

Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. 560 с.

Шкуренок Н. Власть Соловецкая. Повторение прошлого // Новая газета. 2015. 14 авг. URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/9878/>

Сведения об авторе:
Иерей Вячеслав Умнягин,
ответственный редактор
книжной серии
«Воспоминания соловецких узников» (1923–1939)

priest Vyacheslav Umnyagin,
Executive editor
of the book series
«Memories of Solovki prisoners» (1923–1939)
solovki-news@yandex.ru